
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 347.97/.99

ББК 67.71

DOI 10.22394/1682-2358-2020-4-48-60

M.V. Presnyakov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Official and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY AND JUDICIAL PRECEDENT IN RUSSIA: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

The possibility and expediency of using case law in Russia from the point of view of the principle of legal certainty is considered. The author considers the actual forms of case law from the point of view of their fundamentally retroactive nature. In particular, the mechanism introduced by the highest courts to review cases for newly discovered circumstances due to the emergence of an official interpretation of the highest courts is analyzed.

Key words and word-combinations: legal certainty, precedent, retroactivity, jurisprudence, case review.

М.В. Пресняков, доктор юридических наук, профессор кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: presnyakov1972@yandex.ru)

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Аннотация. Рассматривается возможность и целесообразность использования в России прецедентных форм права с позиции принципа правовой определенности. Автор рассматривает фактически сложившиеся формы прецедентного права с позиции их принципиально ретроактивного характера. В частности, анализируется введенный высшими судебными инстанциями механизм пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с появлением официального толкования высших судебных инстанций.

Ключевые слова и словосочетания: правовая определенность, прецедент, обратная сила, судебная практика, пересмотр дела.

Последние два-три десятилетия в России много говорится о судебном прецеденте как потенциально возможной или даже

* Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ научного проекта № 19-011-00418 А.

актуально существующей форме права в рамках российской национальной правовой системы. При этом такие разговоры ведутся не только в научном сообществе, но и нередко переходят в залы судов. В этом смысле весьма показательным был доклад, сделанный в рамках Третьих Сенатских чтений, посвященных конституционно-правовым вопросам реализации принципов правового государства в современной России (чтения состоялись 19 марта 2010 г. в Сенатском зале Конституционного Суда Российской Федерации) профессором А.А. Ивановым, бывшим в то время Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [1].

Антон Александрович является горячим сторонником распространения прецедентной практики в России, которая, кстати, получила значительный импульс в связи с деятельностью Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В частности, он пишет: «Окончательный переход к прецедентной системе — это правильное направление движения, потому что в такой системе много серьезных достоинств». Одним из основных таких достоинств, как явствует из содержания доклада, является то, что использование прецедента позволяет обеспечить высокую степень правовой определенности: «...Стабильность правовых позиций при их постепенном эволюционировании, отсутствие резких революционных изменений (что особенно важно для частноправовых отношений — идея “прочности гражданского оборота”), последовательность развития права, соблюдение внутренней логики такого развития...» [1, с. 7]. Собственно, как становится очевидно из названия данной статьи, именно соотношение юридической определенности и прецедентных практик будет предметом нашего анализа.

В качестве антитезы к этой точке зрения приведем мнение Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, который в рамках обширной статьи «Правовая трансформация России: вызовы и перспективы», помимо прочего, коснулся и проблемы судебного прецедента в российском правовом поле. В частности, Валерий Дмитриевич отметил: «...Совершенно ясно, во что превратятся прецеденты в условиях еще не взятого нами правового барьера. Они покроют трещинами правовой “бетон” Конституции и разрушат “русло”. Они ведь нового “русла” не создадут! Обычные прецеденты не смогут заменить нам ключевых конституционных норм, подобно тому, как они это делают и делают в странах, где отсутствие конституции заменялось разветвленной прецедентной системой» [2, с. 32]. И здесь тоже речь идет о правовой определенности!

Прежде всего представляется необходимым разграничивать принцип правовой определенности личности и «юридическую определенность» или, как ее еще называют, «юридическую безопасность» личности. Правовую определенность личности можно рассматривать в двух аспектах: фактическом, имея в виду весь спектр прав и свобод, которые принадлежат или даже только могут принадлежать личности, и формальном или юридическом, который выражает определенность наличного, актуально существующего правового статуса субъекта права. В первом случае речь идет об определенности непосредственно фундаментальных «прав человека» как объективной реальности, которая не обусловлена позитивным национальным правом (то, что С.С. Алексеев называл «право человека»): собственно сама проблема правовой определенности в

данном случае может быть сформулирована в виде вопроса об адекватности выражения таких прав и свобод в государственном праве.

Мы это называем содержательным аспектом правовой определенности потому, что основная проблема, находящаяся в фокусе внимания как национального законодателя, так и органов конституционного правосудия (или межгосударственных органов по защите прав человека) в данном случае связана с выявлением конкретного содержания того или иного права, правомочий которые оно в себя включает, а также границ этого права. Например, как соотносится право на жизнь и аборты или эвтаназия.

Формальный, или юридический, аспект правовой определенности характеризует ее правовое положение относительно имеющегося правового статуса, определенного позитивным законодательством, то есть в отношении уже признанных и закрепленных национальным законодательством прав и свобод. Здесь речь идет не о содержательной идентификации прав и свобод, а об адекватности условий их реализации, стабильности правового статуса и т.п.

Известный ученый-конституционалист и судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев совершенно верно отмечает, что юридическая определенность, которую в некоторых странах называют «юридической безопасностью» (англ. — *legal security*, франц. — *securite juridique*), представляет собой «широкую концепцию, стержнем которой является предсказуемость». «Общая идея юридической определенности признана большинством правовых систем. В праве Европейского Союза она играет более конкретную роль, принимая форму различных подконцепций, оцениваемых как ее применение. Самые важные из них: отсутствие обратной силы вновь принимаемого закона (*non retroactivity*), приобретенные права (*vested rights*) и законные ожидания (*legitimate expectations*)» [3].

Данное различие, на наш взгляд, имеет ключевое значение для дальнейшего обсуждения заявленной проблематики: юридическая определенность выполняет «служебную функцию», представляет собой средство обеспечения правовой определенности личности. Последняя в странах общего и континентального права формировалась исходя из различных предпосылок. В Англии, которая и была прародиной прецедентного права, в основе признания фундаментальных прав находилась концепция «Rule of Law», согласно которой все основные права человека являются следствием общей свободы личности («негативная свобода», «свобода от...»), а суды гарантируют ее соблюдение или очерчивают границы такой свободы. Европейское понимание правовой определенности личности связано с немецкой доктриной «Rechtsstaat», которая основана на фиксации «позитивных» прав и свобод, содержательных характеристик фундаментальных прав.

Для того чтобы почувствовать различие между этими двумя подходами к постулированию прав и свобод человека, достаточно ознакомиться с известной работой «классика» английского конституционного права А. Дайси «Основы государственного права Англии». Вот как, например, он пишет о свободе печати в Англии и во Франции: «Англичанин, который обратится за сведениями к французским авторитетам, с большим удивлением узнает о следующих двух фактах: законы о печати давно уже составляют до некоторой степени особый

отдел французского законодательства, и преступления против них являлись при всех формах правления, существовавших во Франции, более или менее специальной категорией преступлений» [4, с. 287–288]. Это «удивление» англичанина, как далее показывает А. Дайси, будет обусловлено тем, что в Англии свобода печати является следствием личной свободы, не требующим какого-либо разрешения или обоснования, а лишь ограниченным ответственностью «за пасквиль», диффамацию. Аналогичным образом он определяет свободу слова: «Всякий человек может публично высказывать все, что двенадцать его соотечественников не находят достойным порицания, но он должен быть наказан, если выскажет что-нибудь достойное порицания» [4, с. 280–281].

Таким образом, изначально судебные прецеденты в Англии фиксировали именно «содержательный» аспект правовой определенности человека путем запрещения того, что «двенадцать его соотечественников» сочтут «достойным порицания». В Европе же этот содержательный аспект всегда определялся законом и находился «во власти» не суда, а законодателя. Отсюда и различные подходы к «юридической определенности» как формальной составляющей правовой определенности личности в общем и континентальном праве. Последнее озабочено созданием прочной и определенной связи между фактическим положением лица и правовыми предписаниями: ясность и точность закона, предсказуемость изменений, отсутствие обратной силы и т.п.

В «чистом» прецедентном праве все это представляется избыточным, поскольку право формируется не дедуктивным способом, а казуально. Английскому праву просто не было нужды строить «мостик» между правом и его применением, поскольку прецедент, являясь специфической формой права, объединяет в себе и само применяемое право и его применение. В континентальной традиции право, которое содержится в законе («бумажное право»), и акт его применения разделены, поэтому существует объективная необходимость верификации приобретенных субъективных прав тем положением законодательства, на основе которых эти права приобретаются.

В Великобритании мало говорят о принципе юридической определенности — она выступает не результатом рациональной реализации принципа правовой определенности, а обеспечивается самим способом формирования и функционирования «правового поля». Как известно, в исторической перспективе основной формой права здесь являлся судебный прецедент — «*stare decisis*» (буквально — стоять на решенном), что, кстати, является лишь частью латинского изречения «*Stare decisis et non quieta movere*» («Стоять на решенном и не нарушать спокойствие»).

«Со времен римского права судебное правоположение признавалось, если оно подтверждалось несколькими судебными решениями. То, что суды в течение определенного времени следовали выработанной ими же позиции, позволяло надеяться, что и в дальнейшем они будут ее придерживаться. Проверка временем являлась лучшим доказательством обоснованности введения правоположения и гарантией его стабильности» [5, с. 76]. Со временем страны общего и континентального права «разошлись» в вопросе роли прецедента в национальной правовой системе: последние «отказались от “активной казуистики” в пользу писаного права».

Вместе с тем и континентальное право (в том числе российское) придает большое значение «единообразию устоявшейся судебной практики»: «...Последовательность и единообразие находятся в числе наиболее желательных качеств судопроизводства, проявления которых вправе ожидать от судей граждане и общество в целом» [6, с. 161]. Кроме того, хотя романо-германская правовая семья отказалась от «*stare decisis*», но в рамках данной правовой системы, тем не менее сохранился принцип «*res judicata*» (лат. «разрешенное дело»), согласно которому исключается произвольный пересмотр уже разрешенного дела и который на сегодняшний день образует один из важнейших императивов принципа правовой определенности.

Отметим, что прецедентное право не отвечает одному из важнейших критериев юридической определенности, допуская ретроспективное применение нормы при создании «первоначального» прецедента: сначала человек совершает определенное деяние (в отсутствие соответствующего правового положения) и только затем создается прецедентная норма. Принципиальную ретроактивность прецедентного права критиковал еще английский философ и юрист Иеремия Бентам, который называл прецедент «собачьим правом». «Именно судьи... создают общее право. А знаете, как они его делают? Так же, как человек создает правила для своей собаки. Если ваша собака делает то, от чего вы хотели бы ее отучить, вы ждете, когда она это сделает, а затем бьете ее за это. Таким способом создаются правила для вашей собаки, и так же судьи делают право для вас и для меня.

Они не хотят сказать человеку заранее, чего он не должен делать, и даже не позволяют сказать ему об этом: они бездействуют в ожидании, пока он сделает то, что, по их словам, ему не следовало делать, и тогда они вешают его за это» [7].

Как отмечает И.Ю. Богдановская, «на практике в странах “общего права” предпринимались попытки исправить этот недостаток судебного прецедента и установить его перспективное действие, однако в целом они не увенчались успехом». Даже в США, где Конституция прямо закрепляет правило об обратной силе, «суды при толковании данного положения пришли к выводу, что оно касается только статутного права» [5, с. 79].

Собственно, эта характерная черта (ретроактивность) органически присуща любой ситуации (вне зависимости от национальной правовой системы), когда орган, рассматривающий конкретное дело, вправе создавать новую правовую норму (или чрезмерно широко ее толковать). Например, в странах континентального права подобными полномочиями обладают конституционные суды, которые, рассматривая практику применения закона в конкретном деле (по жалобам частных лиц), могут признать его не соответствующим конституции, несмотря на то, что субъекты права уже были вынуждены основывать свои действия на положениях данного закона. Вот конкретный пример.

Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. № 387-ФЗ в Трудовой кодекс РФ была введена статья 351.1, которая устанавливала, что в случае наличия у лица судимости (в том числе снятой и погашенной) за весьма обширный перечень преступлений, причем независимо от их тяжести (то есть этот перечень

включал в себя преступные деяния по объекту посягательств — как тяжкие, так и небольшой тяжести), лицо не может допускаться к работе с детьми (в организациях, осуществляющих работу с несовершеннолетними).

Конституционный Суд РФ счел подобное ограничение несоразмерным в той части, в какой данные законоположения вводят безусловный и бессрочный запрет на занятие педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних без учета вида и степени тяжести совершенного преступления. В связи с этим он поручил внести в трудовое законодательство соответствующую дифференциацию ограничений в зависимости от тяжести преступления, а также прочих обстоятельств, а до того момента исходить из того, что не могут допускаться (а работающие — подлежат увольнению) лица, имеющие судимость за совершение лишь тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

А теперь — непосредственно фабула одного судебного дела. А.Н. Налимов обратился в Шпаковский районный суд с иском к Муниципальному бюджетному образовательному учреждению дополнительного образования детей «Детско-юношеская спортивная школа» о признании незаконным увольнения, восстановлении на работе, взыскании заработка за время вынужденного прогула [8]. В обоснование заявленных требований истец указал, что он был принят на должность тренера-преподавателя отделения бокса МОУ ДОД «Детско-юношеская спортивная школа». Впоследствии он был уволен на основании п. 13 ст. 83 ТК РФ. Основанием для увольнения послужил факт привлечения истца к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 213 УК РФ — хулиганство.

Заметим, что работодатель уволил его совершенно законно с соблюдением всех правил, предусмотренных действующим законодательством. Более того, учитывая, что данное ограничение носит публичный характер, работодатель был обязан уволить такого работника (в противном случае в суд бы обратился прокурор с требованием о понуждении работодателя к увольнению работника).

Все это происходило до выявления Конституционным Судом РФ конституционного смысла ст. 351.1 ТК РФ, однако после принятия постановления от 18 июля 2013 г. № 19-П ситуация изменилась, и суд, установив, что совершенное истцом деяние квалифицируется как преступление средней тяжести, был вынужден восстановить его на работе, а работодателя — обязать произвести ему оплату вынужденного прогула.

С точки зрения работодателя, вынужденного выплатить законно уволенному им работнику заработную плату за два-три года (!) данная ситуация вряд ли будет отличаться качеством юридической определенности. Однако в данном случае Конституционный Суд РФ вынужден решать сложную дилемму — поиск компромисса между справедливостью и правовой стабильностью. Как ни парадоксально, но в данном случае необходимо поступиться юридической (формальной) определенностью для того, чтобы обеспечить правовую определенность личности, признание и защиту прав и свобод человека.

Собственно, эту же претензию предъявляют к Европейскому суду по правам человека государства — участники Конвенции о защите прав человека и основных свобод: в собственном истолковании Суд применяет «не ту» или «не совсем ту» Конвенцию, которую они подписывали. Действительно, сам текст Европейской конвенции давно уже выполняет функцию «оглавления», а ее содержание составляют прецеденты Европейского суда по правам человека.

Между тем, как представляется, определенное «отступление» от формального принципа юридической определенности в данных случаях не только вполне оправданно, но и необходимо, поскольку это служит иной, более значимой цели — обеспечению материальной или содержательной определенности личности. Но если Европейский Суд и Конституционный Суд РФ просто не могут не создавать правовых прецедентов, выполняя свои полномочия, то с постановлениями Верховного Суда РФ, а в недалеком прошлом и Высшего Арбитражного Суда РФ (последний, кстати, и выступил инициатором прецедентной практики) все обстоит не так однозначно.

Дискуссия о роли и месте постановлений высших судебных инстанций в российском законодательстве и правоприменении имеет длительную историю, даже — длительную конституционную историю, поскольку с самого начала этот вопрос был связан с конституционностью признания постановлений Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ в качестве источника права. Именно так вопрос был поставлен на Конституционном совещании при обсуждении проекта Конституции РФ 1993 г. Тогда в пользу признания прецедентной практики («актов судебного толкования высшими судебными инстанциями на основе практики» — В.Ф. Яковлев), хотя бы и на «верхнем этаже» судебной системы, выступили председатели ВАС и ВС РФ В.Ф. Яковлев и В.М. Лебедев. Против высказалась судья Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщакова, сначала поставив вопрос: «Может ли давать высший судебный орган любой ветви правосудия разъяснения?», а затем ответив на него: «Может, безусловно, но их значение не может быть обязательным» [9, с. 110].

Это действительно конституционный вопрос, который сводится к тому, должен ли суд подчиняться только конституции и закону или он может выработать собственные правовые положения — прецеденты? Здесь необходимо учитывать, что в Англии традиция судебного прецедента была «первородной» формой права и совершенствовалась веками, имея в своем основании сильный и независимый суд. Именно сильный и независимый суд является «залогом успеха» в развитии прецедентных форм права. Но есть ли такой суд в России? Это, конечно, риторический вопрос, но парадоксальным образом именно благодаря своей слабости и зависимости российский суд оказался «обречен» на фактическое, ненормативное использование прецедента. Вряд ли в России найдется много судей, готовых противопоставить собственные выводы и собственное понимание правовых норм мнению, высказанному высшей судебной инстанцией.

Непосредственно в Конституции РФ, как известно, содержится положение, что Верховный Суд РФ (а до 2014 г. — и Высший Арбитражный Суд РФ) «дает разъяснения по вопросам судебной практики». Между тем в известном

постановлении от 12 марта 2007 г. № 17 [10] (в настоящее время не действует) Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ установил, что по вновь открывшимся обстоятельствам может быть пересмотрен судебный акт, который был принят на основе законодательства, практика применения которого после его принятия определена Высшим Арбитражным Судом РФ в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, в том числе и по другому делу. Другими словами, официальное толкование закона Пленумом или Президиумом ВАС РФ приобретало обязательное для судов значение и могло быть основанием отмены судебного решения ему не соответствующего.

Далее, в 2008 г. ВАС РФ применил это сформулированное им же положение и признал право ОАО «Мосэнергосбыт» обратиться с заявлением о пересмотре ряда судебных решений, вынесенных судами в пользу различных коммерческих организаций о взыскании неосновательного обогащения (неправильный расчет оплаты электроэнергии), на том основании, что практика применения положений законодательства, на которых основаны эти судебные акты, была изменена постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. Арбитражные суды удовлетворили соответствующие заявления ОАО «Мосэнергосбыт» и при новом рассмотрении дел в требованиях истцов о взыскании неосновательного обогащения отказали.

В итоге все это повлекло рассмотрение в Конституционном Суде РФ вопроса о конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ, а фактически — толкования этих положений в п. 5.1 названного постановления ВАС РФ.

Конституционный Суд РФ не стал «рубить сплеча» зарождающуюся прецедентную практику и признал (при наличии двух особых мнений) соответствующие положения АПК РФ не противоречащими Конституции Российской Федерации. Вместе с тем Суд четко очертил контуры возникшей проблемы, с одной стороны, отметив, что принцип правовой определенности, в том числе предполагающий отсутствие ретроактивности закона, прямо вытекает из системного толкования положений Конституции РФ, а с другой — уделив в рамках данного постановления много внимания необходимости формирования устойчивой судебной практики высшими судебными инстанциями Российской Федерации. «В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически — исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов — является обязательным для нижестоящих судов на будущее время. Вместе с тем в качестве правового последствия такого толкования в тех случаях, когда в силу общеправовых и конституционных принципов возможно придание ему обратной силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм» [11]. Иными словами, Суд подчеркнул то, о чем говорилось ранее: обратная сила (и, соответственно, отступление от формальной юридической определенности) представляет собой «неизбежное зло» любых прецедентных практик.

Одновременно Конституционный Суд РФ попытался сформулировать критерии поиска баланса между этим «врожденным пороком» прецедента и необходимостью обеспечения с его помощью «устойчивой судебной практики» (что тоже является элементом правовой определенности). В частности, опираясь на подход Европейского суда по правам человека, он отметил, что отступление от принципа правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера. Соответственно, отмена судебного решения в связи с приданием толкованию, данному высшим судом, обратной силы не может рассматриваться как нарушение принципа правовой определенности только в том случае, если это необходимо для обеспечения справедливого правосудия и восстановления нарушенного права. По-другому, отступление от формальной юридической определенности может быть оправдано только необходимостью обеспечить материальную или фактическую правовую определенность личности.

Помимо этого общего вывода, КС РФ в резолютивной части своего постановления очертил конкретные параметры конституционности использования прецедентов высших судебных инстанций в качестве основания пересмотра ранее разрешенных дел.

Во-первых, должен учитываться «характер спорных правоотношений»: в частности, Суд полагает, что недопустимо придание толкованиям высших судов обратной силы если речь идет об отмене судебных актов, «определяющих права физических или юридических лиц в их отношениях с государством, в частности в случаях, когда за ними признается право на получение определенных благ».

Во-вторых, таким прецедентом могут быть только коллегияльные судебные органы — Пленум или Президиум, но никак не судебные коллегии.

При этом (в-третьих), правило об обратной силе не вытекает автоматически из того или иного постановления Пленума или Президиума, а должно быть прямо им предусмотрено.

Это постановление Конституционного Суда РФ вызвало широкий резонанс в прессе: большая часть экспертов в данной области пришла к выводу, что Суд официально признал судебный прецедент в качестве одной из форм российского права, хотя и ограничил его использование рядом условий.

К этой фактически прецедентной форме права, выраженной в виде института пересмотра дел по новым обстоятельствам, Конституционный Суд РФ был вынужден вернуться в 2017 г., когда Высший Арбитражный Суд РФ был уже упразднен, но это «знамя» было подхвачено Верховным Судом РФ. Тогда, воспользовавшись законодательной формулировкой «нового обстоятельства» в виде правовой позиции, выраженной в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, суды пересмотрели решения в ряде дел. Например, в связи с появлением «правовой позиции» Верховного Суда РФ по поводу применения Федерального закона «О государственной социальной помощи» в части реализации гражданами права на санаторно-курортную путевку было пересмотрено решение Вологодского городского суда об обязанности предоставить такую путевку гражданке Л.В. Смирновой. Основанием для пересмотра явилась позиция высшего суда, выраженная в определениях Судебной коллегии по гражд-

данским делам Верховного Суда РФ от 27 июля 2015 г. по делам № 2-КГ15-5 и № 2-КГ15-6. Сами эти определения, на наш взгляд, весьма далеки как от принципа справедливости, так и от критериев правовой определенности: согласно Закону о государственной социальной помощи ряд категорий граждан имеет право (именно право, а не льготу!) на предоставление им при наличии медицинских показаний бесплатной санаторно-курортной путевки. Однако финансирование этой социальной услуги мизерное и часто выделяемой квоты таких путевок не хватает на всех граждан, приобретших соответствующее право. В этих случаях, не получив путевки в тот год, когда она должна быть предоставлена, они обращались в суд с требованием об обязанности органов социального страхования предоставить ее в следующем году. И такие иски удовлетворялись, пока Верховный Суд РФ не сформировал «позицию», согласно которой подобное решение этого вопроса, оказываясь, ущемляет права иных граждан — получателей набора социальных услуг, состоящих на учете для получения путевок на санаторно-курортное лечение. Если же гражданин не был обеспечен санаторно-курортной путевкой, на которую он имел право в текущем году, то на следующий год он опять подает заявление на ее получение и становится в «общую очередь»!

Где же здесь нерушимость приобретенных прав (право на путевку уже приобретено) и уважение правомерных ожиданий, которые составляют существо юридической определенности? Зато отчетливо просматривается стремление защитить фискальные интересы, пусть и в ущерб уже приобретенным (!) правам граждан, гарантированным им федеральным законом и Конституцией РФ. Нужен ли нам такой «прецедент»? Формально-юридически он «обеспечивает единство судебной практики», но сама эта практика изначально порочна, поскольку содержательно противоречит принципу правовой определенности личности. Именно такие «прецеденты» и способны «разрушить Конституцию», по словам В.Д. Зорькина.

Однако, по нашему мнению, нет смысла считать «устойчивую судебную практику» однозначно негативным явлением, пусть даже в ее основе находится слабый и зависимый суд. Технически или формально-юридически единообразие судебной практики, которое обеспечивается высшими судами (в Великобритании это тоже так), является важным фактором обеспечения юридической определенности.

Тут все дело в том, какие прецеденты будут сформированы Верховным Судом РФ, то есть речь идет о содержательных характеристиках его решений. Здесь дело обстоит не так хорошо, как хотелось бы. Приведем всего один, но весьма показательный пример. Долгое время в судебной практике отсутствовало внятное решение о том, как должны начисляться районные коэффициенты к заработной плате тех лиц, которые работают в районах Крайнего Севера, если она не достигает МРОТ. С одной стороны, минимальный размер оплаты труда является не «расчетным показателем» для исчисления заработной платы, а конституционной гарантией, что полная (со всеми надбавками и доплатами) оплата труда работника не может быть ниже этого показателя. Соответственно, оплата труда уже с учетом районного коэффициента не мо-

жет быть ниже МРОТ. С другой — лица, которые находятся в явно различных условиях (то есть в обычных и особых климатических условиях), ставятся в одинаковое положение в части оплаты своего труда (и те, и другие получают МРОТ). С этой точки зрения в целях справедливой дифференциации оплаты труда следовало бы применять районные коэффициенты не к заработной плате, а непосредственно к МРОТ. Прямо противоположные решения этой проблемы неоднократно предлагались Верховным Судом РФ [12].

В Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, Верховный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой, если заработная плата работника организации, расположенной в районе Крайнего Севера или приравненной к районам Крайнего Севера местности, не превышает МРОТ, то районный коэффициент и процентная надбавка за стаж работы в данных районах и местностях начисляются к минимальному размеру оплаты труда. Иными словами, заработная плата работника должна быть определена в размере не менее минимального размера оплаты труда (МРОТ), после чего к ней должны быть начислены районный коэффициент и надбавка за стаж работы в северных регионах [13]. Однако впоследствии в определении от 8 августа 2016 г. № 72-КГ16-4 Суд отметил, что, поскольку размер ежемесячной заработной платы истцов с учетом оклада по должности, начисленных надбавок за работу в ночное время, работу в выходные и праздничные дни, районного коэффициента и процентной надбавки за непрерывный стаж работы, согласно материалам дела, превышает минимальный размер оплаты труда, вывод суда о том, что районный коэффициент и процентную надбавку за непрерывный стаж работы необходимо начислять истцам сверх оклада, размер которого не может быть менее установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, основан на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения [14]. Аналогичный подход можно отметить и в определении Верховного Суда РФ от 19 сентября 2016 г. № 51-КГ16-10 [15]. Конец этим «метаниям» высшей судебной инстанции был положен только постановлением Конституционного Суда РФ.

О какой юридической определенности, устойчивой судебной практике и, в конечном счете, технике прецедента может идти речь в подобных условиях?!

Но повторимся, нам не хотелось бы, чтобы сложилось впечатление о категорической настроенности против введения элементов прецедентного права в российскую правовую систему. Во-первых, помимо безграмотных и необоснованных решений «судебных троек» существуют и несомненно обоснованные и весьма востребованные обобщения судебной практики и разъяснения по вопросам применения действующего законодательства, выраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Не случайно как в постановлении 2010 г., так и в постановлении 2017 г. Конституционный Суд РФ отметил, что основанием пересмотра дела по новым обстоятельствам может быть постановление Пленума или Президиума Верховного Суда РФ, но никак не решение судебной коллегии. «Вопрос о том, постановления какого именно органа

Верховного Суда Российской Федерации могут повлечь такое последствие, во всяком случае — с учетом конституционной значимости принципа стабильности правового статуса лица, определенного судебным актом, — не может решаться произвольно ни при законодательном регулировании, ни при интерпретации соответствующих правовых норм».

Во-вторых, как представляется, должна быть пересмотрена роль Конституционного Суда РФ в процессе формирования прецедентной практики Верховного Суда РФ. Сегодня Конституционный Суд РФ не обладает полномочиями по конституционному контролю за правовыми позициями Верховного Суда РФ. Характерно, что оба рассмотренных постановления касались вопроса о конституционности статей АПК и ГПК РФ, допускающих возможность пересмотра разрешенных судами дел по новым обстоятельствам, но не содержательных аспектов этих самых «обстоятельств». В результате Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что на основании решений судебной коллегии ВС РФ пересматривать дела нельзя и постановил... пересмотреть дела заявителей в установленном порядке. Однако какими материальными нормами будет руководствоваться судебный орган при осуществлении этого «пересмотра пересмотра»? Очевидно, что и приведенными определениями судебных коллегий Верховного Суда РФ, которые в связи с постановлением КС РФ утратили свое ретроспективное действие в качестве основания пересмотра дела, но вполне сохранили свое «руководящее действие» в качестве перспективного прецедента. Кстати, Рудничный районный суд г. Прокопьевска Кемеровской области прекратил производство по пересмотру дел заявителей в соответствии с решением Конституционного Суда РФ, поскольку «пришел к выводу, что судебные постановления, которыми дело не разрешается по существу, могут быть пересмотрены лишь в том случае, если они исключают возможность дальнейшего движения дела». Соответственно, определения о пересмотре дел заявителей по новым обстоятельствам не исключают дальнейшего движения дела, поскольку не разрешают его по существу. В результате им пришлось вновь обращаться в Конституционный Суд РФ уже за разъяснением его постановления от 17 октября 2017 г. № 24-П.

Проблема связана с тем, что Конституционный Суд РФ не разрешает конкретных дел, поскольку по его собственному утверждению не является судом четвертой инстанции и это вполне логично, так как предназначение Конституционного Суда РФ заключается в том, чтобы осуществлять конституционный контроль в отношении действующего законодательства. Все это так, но если мы допускаем новую и весьма специфическую для российского законодательства форму права — судебный прецедент (пусть и в виде «устойчивой судебной практики»), то не должен ли Конституционный Суд РФ взять на себя функцию конституционного контроля и в отношении нее? Представляется целесообразным положительное решение этого вопроса в виде расширения полномочий Суда по проверке конституционности постановлений Пленума и Президиума Верховного Суда РФ.

Известно, что Конституционный Суд РФ своими решениями расширяет пределы собственных полномочий, за что его часто критикуют в юридической

литературе, и совершенно зря, поскольку это связано не с «амбициями» Суда, а вызвано настоящей необходимостью конституционализации всего правового поля Российской Федерации. В частности, Суд неоднократно давал оценку конституционности практики применения той или иной нормы действующего законодательства в тех случаях, когда сама по себе правовая норма не противоречит Конституции РФ, но сложилась порочная и извращенная практика ее применения, основанная на неправильном и неконституционном ее истолковании (как это было выявлено, например, в упоминавшемся постановлении от 17 октября 2017 г. № 24-П). Следовательно, аналогичным образом, то есть путем проверки конституционности практики применения правовых положений, Конституционный Суд РФ мог бы без труда осуществлять проверку конституционности обобщений судебной практики Пленумом Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. *Иванов А.А.* Речь о прецеденте // Право: журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2.
2. *Зорькин В.Д.* Правовая трансформация России: вызовы и перспективы // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сборник статей / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М., 2013.
3. *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2002.
4. *Дэйси А.В.* Основы государственного права Англии: Введение в изучение английской конституции / под ред. П.Г. Виноградова; пер. с англ. О.В. Полторацкой. 2-е изд. М., 1907.
5. *Богдановская И.Ю.* Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право: журнал Высшей школы экономики. М., 2010. № 2.
6. *Верещагин А.Н.* Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004.
7. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
8. Решение Шпаковского районного суда (Ставропольский край) от 19 февраля 2015 г. по делу № 2-126/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2dWJAW5BXU1q>
9. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. М., 1995. Т. 13.
10. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам: постановление Пленума ВАС РФ от 12 марта 2007 г. № 17 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 4.
11. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 янв. 2010 г. № 1-П // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 699.
12. *Пресняков М.В., Чаннов С.Е.* Минимальный размер оплаты труда: конституционная гарантия или фикция // Кадровик. 2017. № 4. С. 10–15.
13. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 4.
14. Определение Верховного Суда РФ от 8 авг. 2016 г. № 72-КГ16-4 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Верховного Суда РФ от 19 сент. 2016 г. № 51-КГ16-10 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».